

среднего и высшего образования, ставилась задача организации специального агрономического и землеустроительного просвещения.

Обозначив довольно широкий круг проблем, которые предстояло решать правительству (среди них — укрепление армии и флота, строительство железных дорог, реабилитация староверов), премьер призвал депутатов Думы к сотрудничеству. Однако думская оппозиция вместо делового обсуждения декларации обрушилась на премьера с обвинениями. Отвечая на них, Столыпин проявил гражданское мужество и удивительный такт по отношению к своим критикам. “Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы всем нам одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду”, — заявил он, завершив свою речь словами: “Людам, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти, паралич воли и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: ‘руки вверх’. На эти слова, господа, Правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: ‘*Не запугаете!*’” [Столыпин 1991: 64].

С развитием идей аграрной реформы Столыпин вновь выступил перед Думой 10 мая. Важное место в его речи заняла критика программ, альтернативных правительственной, и прежде всего — программы социал-демократов. С позиций интересов государства и права он подверг критике предлагаемый ими способ решения аграрной проблемы, предусматривавший конфискацию помещичьей и национализацию *всей* земли. Премьер еще раз подчеркнул, что национализация земли с последующим ее распределением не решит проблемы малоземелья в центральных губерниях. Представляя собой коренной переворот во всех социальных и правовых отношениях, она напрямую ведет к дестабилизации общества, революции и гражданской войне. Наконец, национализация *всей* земли, в т.ч. надельной, отучит крестьянина от продуктивного хозяйствования на *своей собственной* земле, сформирует отношение к земле как к *ничейной*, в лучшем случае *божьей*, что ни в коей мере не оградит ее от хищнического использования и разбазаривания деревенской бюрократией.

Для того чтобы поднять крестьянское землевладение, отметил Столыпин, необходимо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину закрепить за собой плоды трудов своих и обратить их в неотъемлемую собственность. “Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже нежизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, т.е. деньгами” [Столыпин 1991: 93-94]. Свою речь премьер закончил словами: “Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!” [Столыпин 1991: 96].

Однако выступление премьера не изменило отношений между правительством и Думой. Не ограничившись обструкцией правительственной декларации, думская оппозиция организовала саботаж законодательной работы парламента, используя для этого право депутатских запросов. Роспуск Думы стал неотвратим.

Но повторение процедуры роспуска первой Думы и созыва Второй на основе существовавшего избирательного закона не предвещало ничего хорошего, и потому негласно была начата подготовка нового закона. Его опубликование оппозиция оценила как государственный переворот; и слева, и справа раздались голоса о конце парламентаризма в России. Но так наз. третьеиюнь-